

«Вы просите меня, какъ коротко знакомаго съ П. Н. Рыбниковымъ, разрѣшить нѣкоторыя недоумѣнія, возникшія въ васъ по поводу появленія въ печати его сборника народныхъ былинъ. Отзываюсь на ваше приглашеніе тѣмъ съ большою готовностью, что можетъ быть мои объясненія помогутъ вамъ освободиться отъ подозрѣнія въ отсутствіи строгой добросовѣстности труда въ такомъ человѣкѣ, котораго я привыкъ глубоко уважать.

«Съ одной стороны твердое убѣжденіе, что социальная наука въ Россіи, до сихъ поръ большою частью чуждая Русской жизни, чувствуетъ крайнюю нужду въ ближайшемъ знакомствѣ съ міросозерцаніемъ, нравами и обычаями простаго народа, составляющаго ядро нашей національности, съ другой — представленіе, что періодъ самостоятельнаго народнаго творчества доживаетъ послѣдніе дни: вотъ причины, побудившія г. Рыбникова при горячей любви его къ народу, съ ревностью взяться за дѣло собранія народныхъ сказаній, которому онъ и предался сразу по выходѣ изъ Московскаго университета. Какъ велика была эта ревность, видно изъ того, извѣстнаго мнѣ, факта, что напечатанная книга былинъ представляетъ не больше, какъ третью долю того, что собралъ г. Рыбниковъ и что будетъ напечатано. Но какъ умный и превосходно образованный человѣкъ, Рыбниковъ ясно понималъ, что одной ревности въ такомъ важномъ общественномъ дѣлѣ недостаточно, что собирать и записывать народныя сказанія нужно съ тѣмъ смысломъ и по такой методѣ, при которыхъ бы онѣ всего меньше подвергались опасности быть искаженными. Если небывавая до сихъ поръ въ сборникахъ такого рода свѣжесть народнаго слова и точность удержанія малѣйшихъ мѣстныхъ видоизмѣненій былинъ по языку и содержанию недостаточно свидѣлствуютъ о строгой добросовѣстности труда собирателя; то я считаю долгомъ свидѣлствовать, какъ человѣкъ, имѣвшій случай повѣрить собственными глазами, убѣдиться въ факта, что большая добросовѣстность чѣмъ та, съ какой относился къ дѣлу Рыбниковъ, едва ли можетъ существовать. Но прежде спрошу васъ: былины, возбуждшія ваше недоумѣніе, относятся ли къ тѣмъ, запись которыхъ принадлежитъ самому Рыбникову? Это нужно знать потому, что въ напечатанной книгѣ сборника есть небольшое число народныхъ сказаній, доставленныхъ Рыбникову его знакомыми, имена которыхъ имъ указаны тамъ, гдѣ слѣдуетъ. За добросовѣстность этихъ послѣднихъ я не могу ручаться ни однимъ волосомъ, такъ какъ не имѣлъ никогда чести быть знакомымъ съ ними. Но что касается до тѣхъ произведеній народнаго творчества, какія записаны самимъ Рыбниковымъ, то, чтобы неходить далеко за доказательствами добросовѣстности записи, я расскажу вамъ

слѣдующій случай. Въ январѣ прошлаго года я имѣлъ рѣдкое въ настоящее время счастье слышать въ квартирѣ Рыбникова одного изъ пѣвцовъ, изъ устъ котораго перешло значительное количество былинъ въ изданный сборникъ. Это былъ девяностолѣтній старикъ, слѣпой съ младенчества, Козьма Ивановичъ Романовъ. Онъ пріѣзжалъ по своимъ дѣламъ въ Петрозаводскъ и навѣстилъ Рыбникова, который воспользовался случаемъ, чтобы дать мнѣ возможность послушать, какъ поются народныя былинны. Старикъ пѣлъ тогда про Дуная Ивановича, про Добрыню Никитича, про Вольгу Буслаевича и про Горезлосчастіе. Рыбниковъ сидѣлъ съ тетрадю, въ которой были прежде записаны эти сказанія отъ того же пѣвца. Признаюсь откровенно, что съ первыхъ словъ, какія запѣлъ старикъ, я такъ глубоко былъ пораженъ совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ Бояна—сказителя нашего времени про дѣла стародавнія, съ такимъ, ни чѣмъ незамѣнимымъ наслажденіемъ я слушалъ его, что мнѣ и въ голову не могло придти повѣрять точность записи Рыбникова. Дѣйствительно поющій старикъ былъ интересенъ до крайности. Этотъ голосъ (напѣвъ), какого до той поры я не слыхивалъ, эта живая вѣра старика въ каждое слово своей пѣсни, до такой степени освѣжали душу, что съ такимъ блаженствомъ жаль было разстаться. Старикъ пѣлъ много и долго. Иногда онъ забывалъ и останавливался, но тотчасъ же продолжалъ, какъ Рыбниковъ подсказывалъ ему слѣдующія слова; иногда ему казалось, что слушатели (не одинъ я былъ приглашенъ) не совсѣмъ могутъ понимать истину содержанія его пѣсни, и тогда онъ объяснялъ, какъ то или другое могло случиться. Въ одинъ изъ случаевъ, когда старикъ забылъ, что дальше слѣдуетъ, я невольно посмотрѣлъ въ тетрадь, находившуюся въ рукахъ Рыбникова; и когда старикъ снова запѣлъ, мнѣ показалось интереснымъ прослѣдить — не отстаетъ ли онъ въ иныхъ мѣстахъ отъ прежде пѣтаго имъ текста? Я слѣдилъ долго и тогда-то убѣдился, въ какой степени точно до малѣйшихъ подробностей записаны Рыбниковымъ пѣсни этого старика. Козьма Ивановичъ не отступалъ отъ записаннаго текста ни на шагъ; но случалось, что онъ пропускалъ иногда по забывчивости стихъ или два, и это, сколько помнится, большою частью было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повторялся нѣсколько разъ уже пропѣтый стихъ.

«Болѣе сильнаго свидѣтельства въ пользу Рыбникова, какъ добросовѣстнаго собирателя былинъ, я не могу привести; развѣ прибавить еще то, что я слышалъ отъ него самого объ его методѣ. Онъ говорилъ, что каждая былина тогда голько считалась имъ годною къ печати, когда она была повторена однимъ и тѣмъ же лицомъ разъ, или больше. При этомъ онъ считалъ нужнымъ удержи-